

рем в своих владениях. Прежнее значение челяди упало. Мы имеем право с этого времени говорить о боярщине-сеньерии. Начался новый период в истории хозяйства, во взаимоотношениях между землевладельцем и земледельцем, а в конечном счете и в политическом строе феодально раздробленной Руси. Именно эта экономически и политически усилившаяся знать, выросшая при поддержке власти дофеодального государства, выступила против власти Киевского князя и создала новый строй, для себя более выгодный, но, несомненно, ослабивший недавнее могущество крепкой политической единством страны.

На Руси не выработалось нового термина для обозначения сеньерии, но сеньерия, несомненно, и здесь родилась и жила до того времени, пока укрепшая власть Московских царей не объявила ей войны и не одолела ее. Наступило время, совсем не похожее на то, когда хозяином в стране был государь-вотчинник.

Феодальная раздробленность изжита, и вместе с нею рухнули перегородки, мешавшие обмену между отдельными частями Руси; прекратились внутренние феодальные войны, разорительные прежде всего для народных масс. Опираясь на новые кадры служилых людей (дворяне и дети боярские) и на города, поддержанная сочувствием народных масс, заметно крепла самодержавная власть.

Полная ликвидация татарского ига, переход в наступление против остатков Золотой Орды, большой успех в деле защиты своей страны, подъем хозяйства и культуры снова вернули Руси то международное положение, какое она потеряла под ударами татарских орд.

Для Руси открылись новые горизонты.

В хозяйственной жизни всей Европы в это время происходили крупные изменения. Часть европейских стран: Англия, Франция, Италия, Кастилия, Португалия, уже в значительной мере изжили у себя феодальные общественные отношения, вытесненные капиталистическим строем. Другая, значительно большая часть Европы (Восточная Германия, Австрия, Польша, Литва, Ливония, Россия) оставалась феодальной.

Весьма распространено в науке мнение, что некоторые европейские страны, вступившие к XVI в. на путь капитализма, перестроили свое хозяйство, подняли свою промышленность за счет сельского хозяйства, следствием чего явилась у них потребность в привозном хлебе. Этот спрос на хлеб якобы и вызвал крупные изменения в сельском хозяйстве европейских стран, лежащих на восток от Эльбы.

На первое место среди стран, нуждавшихся в привозном хлебе, обычно ставят Англию и Нидерланды.

В эту теорию необходимо внести существенные уточнения.

Нет никаких сомнений в том, что в западной части Европы и, в частности, в Великобритании к XVI в. капиталистические отношения пробили себе дорогу и что восточная часть Европы в это время оставалась феодальной. Едва ли кто-либо будет сомневаться и в том, что в Англии и Нидерландах увеличился спрос на привозной хлеб.

Но совершенно естественно возникает вопрос: мог ли спрос на привозной хлеб в этих двух странах быть настолько значительным, чтобы другая, несравненно большая часть Европы под влиянием этого спроса одновременно и энергично приступила к перестройке сельского хозяйства?

Если мы учтем, что Англия своего сельского хозяйства не забрасывала совсем, что ее собственный хлеб тоже шел на английский рынок, то спрос на привозной хлеб в Англии не будет казаться нам столь огромным. Наконец, и Нидерланды не так велики, чтобы своей заинтересованностью в привозном хлебе смогли произвести переворот в сельском хозяйстве трех четвертей Европы.

На большой и важный вопрос надо искать иной ответ.

Знаменательно, что почти одновременно в восточной Германии, Австрии, Польше, Литве, Ливонии и России рыцарь стал превращаться в хозяина, на крестьянина легла барщина и появилось крепостное право в самом ярком его проявлении (*Leibeigenschaft*).

Несмотря на многие индивидуальные черты в развитии этих стран, их объединяет то, что перестройка сельского хозяйства, вызванная общеевропейскими сдвигами, застала их в состоянии неизжитого еще феодализма и поставила перед ними задачу — феодальными средствами поднимать производство сельскохозяйственных продуктов и превращать их в деньги.

Историк крестьянства любой европейской страны не может закрывать глаза на то, что делалось в области сельского хозяйства во всей Европе, но это, конечно, не исключает необходимости изучать историю крестьян каждой страны в отдельности, учитывать все индивидуальные стороны процесса.

В предлагаемой книге меня интересовали прежде всего и больше всего судьбы крестьянства на Руси.

На протяжении своей истории оно переживало ряд перемен в своем хозяйственном и правовом положении. Главнейшие из этих изменений, насколько позволяли источники, рассмотрены в предлагаемой книге.

Наибольшее внимание здесь уделено изучению условий, приведших крестьянина к полному закрепощению.

Уже в конце XV и особенно в первой половине XVI в. появился на Руси (как и в Польше и в других государствах

Европы) ряд признаков, говоривших о сдвигах в хозяйстве и в общественно-политических отношениях.

Дворянин и сын боярский, — военные слуги великого князя Московского, — начинают более активно интересоваться сельским хозяйством. Их перестает удовлетворять доставляемый с поместий и вотчин натуральный, издавна определенный оброк. Они стремятся увеличить доходность своих имений, чтобы получить возможность жить так, как требовали новые условия. Уровень этих требований все поднимался. Деньги стали необходимостью, их нужно было гораздо больше, чем землевладелец обычно получал от своего поместья или вотчины.

Рост старых городов и появление новых усилили спрос на хлеб; нехлебные районы (север и юго-восток), увеличившие свою добычу соли и рыбы, тоже предъявляли большой спрос на хлеб. Все это несомненный результат успехов общественного разделения труда. Иными словами, рос *внутренний рынок* и стал определять спрос на продукты и их цену. Хлеб на внутреннем рынке делался все более и более частым и ценным товаром.

Обращение к внешней торговле как к фактору, вызвавшему перестройку в сельском хозяйстве, не может быть полностью оправдано.

Относительно Польши по этому предмету высказался совершенно определенно С. Кутшеба. Он считает «совершенно неверным» объяснение перемен в польском сельском хозяйстве тем, что в 1466 г. Польша получила гавань Гданск, удобную для вывоза своего хлеба за границу: «Европа тогда еще не нуждалась в польском хлебе, так что Польша не могла и вывозить его. Этот вывоз хлеба, надежно засвидетельствованный в XV и XVI веках гданскими регистрами и польскими таможенными книгами, пока еще очень незначителен. Он начинает усиливаться только в конце правления Сигизмунда I и еще более при Сигизмунде-Августе, хотя и тогда ему еще далеко до тех размеров, каких он достиг позднее и какие часто неверно относят уже к этой эпохе».¹ Приблизительно такого же мнения держался и другой, более молодой польский историк Я. Рутковский. Он пишет: «Торунский мир 1466 г., который дал Польше доступ к морю и облегчил через это экспорт хлеба, был несомненно важным явлением для развития земледелия. Однако статистика экспорта хлеба показывает, что только в XVI веке он приобрел действительно значительные размеры».²

¹ Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши, СПб., 1907, стр. 71.

² Rutkowski Jan. Zarys gospodarskich dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych. Poznań, 1923, s. 52.

Для России проблему внутреннего рынка поставил и разрешил В. И. Ленин. В числе ошибок экономистов-народников он указывает на игнорирование внутреннего рынка. Следя за развитием простого товарного хозяйства и превращением его в капиталистическое, В. И. Ленин останавливает свое внимание на общественном разделении труда и росте торгового земледелия, когда «само земледелие превращается в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую товары».¹

Для В. И. Ленина вопрос именно о внутреннем рынке есть основной вопрос в истории русского товарного, а потом и капиталистического хозяйства.

Правда, В. И. Ленин, разбирая этот вопрос, имел в виду более позднее время, главным образом XIX в., но поскольку он говорит и о докапиталистическом периоде, о простом товарном хозяйстве, т. е. рассматривает вопрос исторически, мы имеем право перенести его теоретические суждения и на более раннее время, тем с большим основанием, что В. И. Ленин ликвидацию феодальной раздробленности Руси и образование Русского централизованного государства объяснял именно усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением.

Не беру на себя пересмотра оценки внешнего рынка в истории других аграрных стран в XV—XVI вв., но считаю необходимым поставить на очередь этот вопрос перед специалистами.²

Русь (а как утверждает С. Кутшеба, и Польша) во всяком случае перестраивала свое сельское хозяйство главным образом под влиянием внутреннего рынка, который побуждал землевладельцев, до недавнего времени довольствовавшихся издавна установленным крестьянским оброком, изменять систему ведения хозяйства в том же самом направлении, что и в других соседних феодальных странах.

Собственное барское хозяйство заводится вновь там, где его до сих пор не было совсем, значительно расширяется там, где оно уже было в зачаточном состоянии. Барщина — единственное, самое простое доступное средство, при помощи которого можно было наладить новую систему хозяйства, но это средство было тяжелым нововведением для зависимой крестьянской массы. На введение барщины она от-

¹ Ленин В. И. Соч., изд. 3, т. III, стр. 16.

² И. Луцкий в своей известной статье о крестьянах, помещенной в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, в вопросе о перестройке сельского хозяйства в Восточной Европе придает внешнему рынку решающее значение. Последний опыт пересмотра вопроса в целом принадлежит С. Д. Сказкину.

ветила усиленными побегами. Землевладельцы в погоне за необходимыми им рабочими руками изощряются в способах сманивания к себе чужих крестьян, делают крестьянина биржевой ценностью, стремятся приобрести рабочие руки и другими путями. Замаскированный и совершенно открытый наем играет здесь далеко не маловажную роль.

Но этот последний способ привлечения рабочих рук был не всегда доступным и в данной обстановке не наиболее выгодным. Принудительный труд крепостных крестьян — вот идеал, лелеемый основной массой средней руки землевладельцев, из которых составлялась великокняжеская, а потом и московская царская армия.

Нужно сказать, что в этой борьбе за рабочие руки простые служилые люди, т. е. основные кадры армии, оказались в нелегком положении. Чем исправнее они несли свою службу, тем труднее им было следить за утечкой рабочей силы в их поместьях, а уменьшение доходности поместья делало помещика менее годным для выполнения лежавших на нем служебных обязанностей.

Интересы помещиков не могла не поддержать государственная, по своей социальной природе помещичья, власть. Она и поддержала их. В виде временной меры она отменила право крестьянского выхода-вывоза. Мероприятие оказалось именно тем, которое и нужно было служилому человеку. Он за него держался крепко. В особенно беспокойные моменты, когда в начале XVII в. над Русью нависала грозная опасность, когда власть переходила от одного претендента к другому и едва не очутилась в руках иностранцев, служилые люди проявляют большую тревогу и больше всего боятся, как бы новый глава государства не вздумал вернуть крестьянам Юрьев день.

Правда, к этому времени этот символ крестьянского права сильно поблек. Речь шла уже не столько о свободном крестьянском выходе, сколько о той спекуляции, которая в осенние две недели разыгрывалась между землевладельцами, пускавшими в ход все средства и для того, чтобы не выпустить от себя своих крестьян, и для того, чтобы переманить к себе чужих.

Временная мера держалась прочно и была, наконец, молчаливо признана государственной властью в качестве одного из устоев феодального строя XVII в., сыгравшего крупную роль и в деле объединения различных прослоек сельского зависимого населения в одну крепостную массу.

Этот процесс сложения крестьянской крепостной массы был совсем не таким простым, как может показаться с первого взгляда.

Он имел на своем пути несколько этапов, обуславливаемых ходом общественной и политической жизни страны.

В этот мощный поток вливалось много ручьев, берущих свое начало из различных источников.

Тут мы видим и отживший институт полного (обельного) холопства, и новую форму холопства — холопства кабального, и другие замаскированные феодальными условиями формы найма. Мы видим настойчивые и систематические выступления землевладельцев-помещиков за освоение крестьянских рабочих рук и одновременно борьбу крестьян за свою независимость. Перед нами одна из сложнейших проблем в истории общественных отношений всей Руси.

Нельзя упрекнуть историков в недостаточном внимании к этому важному сюжету. По истории русских крестьян написано много. Интерес к предмету был очень велик; особенно обострился он накануне крестьянской реформы 1861 г. Не ослабевал он и позднее.

По специальной литературе, посвященной данному вопросу, можно проследить все основные течения русской историографии: высказывались о судьбах русского крестьянства и дворянские историки XVIII в., и в начале XIX в. Карамзин, горячо судили о ней славянофилы и западники, разбирали вопрос многочисленные последователи юридической школы, представители экономического материализма и историки-марксисты.

Параллельно шло разыскание и публикация новых материалов, способных пролить свет на темные и спорные вопросы. Накопилось весьма внушительное историко-литературное наследство. Однако обобщающего труда по истории крестьян после выхода в свет в 1860 г. книги И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси» не появлялось.

Институт Истории Академии Наук СССР решил восполнить этот пробел. Предполагается выпуск в свет много томного труда, где будет рассмотрен не только процесс закрепощения крестьян, но и история их освобождения, условий их жизни после освобождения до Великой Октябрьской социалистической революции и после нее. Намеченный план начал уже выполняться.

Написание первого тома истории крестьян с древнейших времен до середины XVII в. было поручено мне, кафедра истории СССР Московского Государственного Университета включила эту тему в мой исследовательский план.

Я поставил себе целью пересмотреть и систематизировать все, что сделано было до сих пор по данному вопросу в нашей науке, в том числе и самим автором настоящей книги.

Читатель легко может заметить, что в основу периодизации истории русского крестьянства с древнейших времен положена смена форм эксплуатации зависимого крестьянства, в свою очередь обусловленная развитием экономической и политической жизни страны.

В отличие от тех авторов, которые занимались изучением крестьянства различных частей Руси изолированно, я совершенно сознательно рассматриваю историю крестьян всей Руси и не только ее одной, но и соседних с нею стран в твердом убеждении, что только таким путем мы сможем избежать многочисленных ошибок, сделанных авторами, не желавшими учитывать аналогичных процессов в странах, поставленных в одни и те же условия развития экономики и классовых отношений.

Меня, правда, могут упрекнуть в том, что в главах, посвященных не русским землям, я иногда ограничиваюсь справками с существующей литературой, не пересматривая вопроса заново.

Упрек, конечно, справедливый. Некоторым оправданием мне может служить то, что такой труд непосилен для одного человека. Тем не менее, мне кажется, что даже отдельные главы справочного характера оправдывают себя в общем построении книги. Они, выполняя служебную роль, позволяют читателю не терять общей перспективы, важной при рассмотрении каждой исторической проблемы и особенно необходимой в столь запутанной различными авторами истории крестьян.

Читатель книги может воочию убедиться, что русский крестьянин в своей исторической судьбе не представляет какого-либо «самобытного» явления, а переживал в своей истории совершенно те же этапы, что и крестьяне всех стран, в которых требования внутреннего и внешнего рынков сказались раньше, чем эти страны успели изжить феодальные общественные отношения.

Мне хотелось показать жизнь крестьянина с древнейших времен, борясь с теми упрощенными представлениями, которые так часто имели место в литературе, когда авторы начинали изучать историю крестьян едва ли не с XVI в. в уверенности, что до этого времени все крестьяне свободны и их судьба не имеет для исследователя интереса. Я хотел показать, что нельзя безнаказанно отбросить киевского или галицкого смерда, если перед нами стоит вопрос о московском старожильце, или «непохожем» человеке Литовского государства.

История смердов периода Киевской Руси — это основа дальнейшей истории крестьян великорусских, украинорус-

ских, белорусских, как и вся Киевская Русь — колыбель истории трех родных народностей.¹

В книге прослеживаются судьбы сельского населения со времен докиевской Руси и кончая серединой XVII в., когда завершается один из крупнейших этапов в жизни русского крестьянина и в то же время намечается ряд новых явлений, развивающихся в течение XVII в. и переходящих в XVIII—XIX столетия. Эти новые явления остались в книге без разработки, так как они должны составить предмет следующего тома исследования. Экскурс в XVII в. для данной книги был необходим, поскольку необходимо было проследить завершение процессов, начавшихся гораздо раньше и рассматриваемых на протяжении значительной части книги.

Я очень хорошо понимаю, что почти каждая из глав моей книги может служить предметом отдельной монографии. Я уверен, что при дальнейшем росте нашей науки эти монографии не замедлят появиться. Но смею также думать, что труд, предпринятый мною, не бесполезен, так как является результатом использования новых источников, опытом обобщения огромного количества разрозненно разработанных тем, попыткой разобраться в многочисленных, жарких и принципиальных спорах.

Если моя работа послужит толчком к дальнейшему изучению истории сельского населения Руси, это будет лучшим оправданием затраченного на нее труда.

При написании книги мне облегчали труд И. У. Будовниц, А. Д. Тифлисова и В. Г. Гейман, за что приношу им свою горячую благодарность.

¹ История сельского населения Киевской Руси дана мною в книге «Киевская Русь» (4-е издание). Однако в целях придания настоящему труду цельности я счел полезным после пересмотра глав, касающихся судеб сельского населения IX—XII вв., поместить эти главы и в предлагаемой книге.

Часть первая

(ВВОДНАЯ)

